Глава 9. «Не все благополучно в парторганизации…»: идеологическое влияние на творчество уральских писателей в середине 1940-х гг.

DOI 10.15826/B978-5-7996-3520-6.29

Среди многих смысловых наполнений феномена «за-текст» в сочетании с историческим дискурсом наиболее органичным представляется его понимание в значении «контекста эпохи». Эпоха соцреализма в советской культуре названа Т. А. Кругловой, одним из ведущих специалистов в области истории искусства, «культурно-художественным полем, особым образом организованным и подчиненным стратегическим целям»[1]. Доминанта идеологии отчуждает искусство 1930–1950-х гг. от реальности, провоцирует в его развитии переход от сложных поэтических систем 1910–1920-х гг. к упрощенной поэтике тоталитарного периода[2]. Предлагая, с целью возможности дальнейших обобщений и как средство анализа, конструкт «идеальный тип автора соцреализма», Круглова выделяет несколько его характерных черт. В их числе: «насущная потребность во внешнем задании, заказе, ориентире, руководстве»; нужда в соавторстве, роль которого выполняют читательские конференции, письма зрителей, художественные советы, цензура, редактура; стремление к публичности через интервью, встречи с публикой, высказывания в прессе и т. п.[3]

Разного рода внешние по отношению к писательскому труду документы, обильно выросшие на советском за-текстовом поле и по-агитпроповски энергично наступавшие на поле творчества, отражают разные аспекты и нюансы партийного руководства и идеологического давления, внутренне искреннюю и вынужденно организованную реакцию на те или иные произведения

---

[1] *Круглова Т. А.* Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург, 2005. С. 31.

[2] Там же. С. 82, 127.

[3] Там же. С. 190–192.

литературных критиков, коллег по цеху и т. д. Обращение к подобного рода историческим источникам позволяет увидеть не только целевые установки системы, воздействующей на творческие процессы, но и ее интеллектуальный и нравственный уровень, оценить смыслы внешнего, за-текстового влияния, его силу и последствия. Именно к таким документальным материалам можно отнести использованные в данной главе протоколы общих и партийных собраний Свердловского отделения Союза советских писателей за 1946 г.

Для начала хотелось бы поделиться обнаруженными откровениями начинающих литераторов 1940-х гг., молодых ребят, вернувшихся с фронта, чье стремление рассказать о пережитом, поведать о себе миру рвалось наружу. Духовный подъем 1943–1946 гг. способствовал возникновению студенческих литературных кружков, появившихся во многих вузах страны и отличавшихся свободой, открытостью в обсуждении тематики своих первых литературных опытов (можно ли, например, писать о штрафбатах), а также жанровыми экспериментами (особенно была популярна у начинающих поэтов пародия)[4]. Так, студенты-филологи и журналисты, будущие прозаики и поэты, объединившиеся в литературно-творческий кружок в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (УрГУ), обсуждали, например, и такую щепетильную тему: все ли писатели искренни, когда следуют в своем творчестве духу партийных постановлений или кто-то ставит себя в рамки необходимости. Они рассуждали об этом в частных беседах и на заседаниях кружка, предполагая, что «две трети писателей не прониклись духом последних постановлений, а пишут так, потому что… иначе нельзя»[5].

Сильнейшее внешнее влияние на творчество советских писателей в последнее сталинское десятилетие оказали постановления в области культуры, принятые в 1946–1949 гг., целью ко-

[4] См.: *Русина Ю. А.* Рифмы жизни. История студенческого литературного кружка УрГУ (середина 1940-х гг.) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2 : Гуманитар. науки. 2011. № 4 (96). С. 269–285.

[5] *Русина Ю. А.* Между покаянием и исповедальностью: литературное творчество студентов в последнее сталинское десятилетие // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер 2 : Гуманитар. науки. 2014. № 1 (124). С. 158.

торых было погасить нарастающую волну творческой свободы. Наверное, не будет преувеличением сказать, что самым значительным и ощутимым для литераторов стало Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград». Исследователь хитросплетения отношений внутри литературной среды Н. А. Громова в книге «Распад» передает, как воспринимала атмосферу, рожденную этим постановлением, «верная линии партии Маргарита Алигер»[6]:

> Хотелось зажмуриться, забыться и потом очнуться, и чтобы все это оказалось лишь тяжелым сном. Но реальность оставалась реальностью. И почти физически я ощутила: в мире, где я живу и надеюсь еще долго жить, в литературе случилось нечто непоправимое. Но едва ли я тогда понимала меру той непоправимости.
>
> В Москву я вернулась в начале октября. Там царило невеселое оживление, без конца созывались собрания, всячески раздвигались рамки действия постановления, применяемого к местному материалу. Шла упоенная пустая деятельность, на которой литература наша (увы) потеряла много лет и немало драгоценных сил[7].

«Послевоенное движение культуры с робкими попытками самостоятельности, – заключает Громова, – было грубо остановлено. Теперь надо было выступать, и выступать с поддержкой постановления»[8]. Естественно, что круги, расходившиеся из центра, должны были коснуться писательских отделений по всей стране.

26 августа 1946 г. в Свердловском областном отделении ССП состоялось общее собрание в присутствии партийного функционера областного масштаба. С докладом о постановлении, осудившим публикаторскую деятельность журналов, выступил И. С. Пустовалов, секретарь Свердловского обкома ВКП(б) по агитации и пропаганде. Не миновали его критики и уральские литераторы (протокол занимает всего три страницы и выступления переданы не прямой речью, а в изложении):

---

[6] *Громова Н. А.* Распад: Судьба советской критики в 40-е – 50-е годы. М., 2009. С. 91.

[7] Там же. С. 93.

[8] Там же. С. 91.

В творчестве уральских писателей не отражены те исторические процессы, которые происходят в арсенале страны – на Урале. Всей нашей писательской организации свойственен отрыв от нашей современности. В творчестве писателей допускаются серьезные ошибки.

Доклад подверг критике произведение Н. Поповой[9] «Встреча», в котором извращается наша действительность. Тов. Попова до сих пор не признала этой ошибки.

В творчестве Б. Дижур[10], которую докладчик затруднился назвать советской писательницей, нет показа советской действительности, многие ее произведения рассчитаны на искусство ради искусства.

Докладчик призвал развернуть повседневную творческую работу в Свердловском отделении Союза писателей и устранить недостатки, стоящие на пути к выполнению постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»[11].

Кроме того, главный областной партийный агитатор и пропагандист, «не ставя знака тождества между Ахматовой и Дижур», обратил внимание на то, что «есть отдельные тенденции, мотивы, роднящие их», посоветовав «в своем творчестве выполнять не веления своего сердца, а веления партии и государства», также в документе отмечалось, что «тов. Пустовалов не видит смысла в работе тов. Дижур над повестью “Януш Корчак”»[12].

---

[9] Попова Нина Аркадьевна (1900–1969), писатель, журналист, член Союза писателей СССР (1936). В 1919 г. окончила Ирбитскую женскую гимназию, работала учительницей, воспитательницей детского дома в Томске. С 1925 г. сотрудничала с томской газетой «Красное знамя», где печатала стихи, очерки, фельетоны. В конце 1920-х гг. приехала на Урал. В 1950–1960 гг. возглавляла Свердловское отделение Союза писателей. Основная тематика произведений – историко-революционная. (Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. Екатеринбург, 2016. С. 287).

[10] Дижур Белла Абрамовна (1903–2006), прозаик, поэт, член Союза писателей СССР (1940), мать скульптора Эрнста Неизвестного. Окончила химико-биологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (1928). В 1939 г. в журнале «Молодая гвардия» впервые опубликовала свои стихи. Писала книги для детей научно-популярного, познавательного содержания. В 1942 г. начала работать над поэмой «Януш Корчак», за которую впоследствии была награждена медалью имени Корчака (Польша) (Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. С. 106).

[11] ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 167.

[12] ЦДООСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 169.

Примечательно, что слова о преимуществах «велений партии» над «велениями сердца» в машинописном протоколе подчеркнуты ярко-синими чернилами.

Чтение протоколов собраний уральских писателей наталкивает на мысль, что Белле Дижур была отведена в эти годы роль «местной Ахматовой». Их имена часто упоминались рядом, а произведения оценивались одними и теми же эпитетами: «уныние, пессимизм, элементы эстетства»[13]. Отметим попутно, что Дижур вновь станет объектом пристального внимания и партийной критики в ходе кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 г. Действительно, явно выбивалась из ряда работ советских писателей ее поэма «Януш Корчак». Известный в Европе педагог, ученый и учитель, погибший вместе со своими учениками в газовой камере Треблинки, был назван критиками «непротивленцем» с «общечеловеческими настроениями». Автора же упрекали в том, что в поэме «ни звука нет о том, что Родину ее героя Польшу освободила от фашистов Красная Армия»[14].

Но вернемся к докладу секретаря Пустовалова. Протокольная дисциплина требовала его обсуждения. Выступившие в прениях писатели, с одной стороны, в довольно характерных выражениях, поддержали докладчика: «в отношении писателей необходимо покончить с либерализмом в оценке произведений, бороться за высокое качество продукции»; «основная задача писателей добиться высокой идейности произведений»; «постановление ЦК нас обрадовало, т. к. не секрет, что часть молодняка шла за А. Ахматовой»[15]. С другой стороны, говорили о трудностях, которые действительно имели место и были малосовместимы с писательским трудом: главное – негде печататься, необходим журнал, Свердловское государственное издательство (Свердлгиз) – «трагичная организация, по существу лишенная типографской базы»[16].

Председатель Свердловского отделения ССП Павел Петрович Бажов мудро связал критику творческой деятельности советских писателей в духе обсуждаемого постановления с нуж-

[13] ЦДООСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.
[14] Там же.
[15] Там же. Д. 1. Л. 168–169.
[16] Там же. Л. 168.

дами уральцев: «Безыдейность литературных произведений – это не только результат отсутствия политической учебы, нужен и журнал, который бы дисциплинировал писателей к текущему дню, его задачам», а отсутствие надлежащей издательской базы является причиной «затора в выпуске произведений наших писателей»[17]. Тема слабого материального и организационного потенциала Свердлгиза звучит и в письмах Бажова этого времени:

> Что касается нашего издательства, то оно в настоящее время так связано полиграфической своей базой, что буквально годами задерживает выход в свет вещей, уже давно просмотренных и принятых[18];
>
> У нас, когда сдают рукопись в типографию, это похоже на сбрасывание в бездонный колодец, от верстки до сигнального экземпляра проходят годы, а от сигнального до сдачи тиража еще. Жизнь же человеческая… не особенно длинна, совсем не приспособлена к издательским темпам[19].

Обращает на себя внимание тот факт, что фигура Бажова присутствует в сохранившихся протоколах партийных собраний Свердловской писательской организации как бы незримо. Писатель очень редко высказывается, практически никогда – резко. Не даром знатоки его биографии и творческих проявлений отмечают некие противоречия: «Соединение в одной жизни работы в цензурном комитете и, по сути, альтернативной официальной истории региона, обучения в духовной семинарии и выраженного антиклерикализма, поведения “мудреца” и открытой предвзятости “Сказов о немцах”, отраженной в письмах битвы за создание заказной документальной книги о строительстве Камского бумажного комбината и параллельного создания полуфантастических сказов плохо “стыкуется”»[20]. Здесь видится огромное поле за-текстовых влияний в дискурсе тех историче-

[17] ЦДООСО. Ф. 304. Оп. 1. Д. 1. Л. 169.

[18] Письмо И. С. Мартьянову, 26 августа 1946 г. // Павел Петрович Бажов. Письма 1911–1950. Москва ; Екатеринбург, 2018. С. 394.

[19] Письмо Л. И. Скорино, 17 сентября 1946 г. // Там же. С. 400.

[20] *Литовская М. А.* Образ П. П. Бажова в современных российских СМИ: биографический поворот // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 145.

ских сюжетов, свидетелем, участником и соучастником которых довелось стать уральскому журналисту, писателю, сказочнику.

Месяцы, следующие за постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», в Свердловском отделении ССП проходили, прежде всего, под знаком «творческого оживления» (О. Маркова[21], например, «написала повесть, затрагивающую одну из наиболее интересных и почти неосвоенных до сего времени сторон нашей жизни – электрификацию уральского колхозного села»). Еще до выхода постановления о журналах осуждению подвергся рассказ Н. Поповой «Встреча»[22] как «идеологически невыдержанный».

Так, на общем собрании парторганизации Свердловского отделения ССП 15 мая 1946 г. Бажов высказался о нем в стилистике соцреалистических догм:

> Не все благополучно в парторганизации по политучебе. Это резко сказывается на творчестве отдельных писателей. Последний разбор творчества Н. Поповой (рассказа «Встреча») показал, что писательница отстает от действительности, идеализирует прошлое, показал, что она не знает диалектического материализма. <…> В этом парторганизация должна взять часть вины на себя[23].

Многострадальный рассказ, который обсуждался на протяжении нескольких месяцев советскими писателями в Свердловске и Москве, так и не дошел до читателя, но текст его сохранился, и он представляется достойным того, чтобы с ним познакомится.

Главный герой рассказа «Встреча» – фольклорист, знаток истории края Павел Павлович Плотников «с библейским простодушием присылал такие произведения устного народного твор-

[21] Маркова Ольга Ивановна (1908–1976), училась в Москве: на рабфаке искусств при Вхутемасе, в МГУ, Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. В 1931 г. вернулась на Урал, преподавала литературу в средней школе, работала редактором в Свердловском радиокомитете. Первая книга «Варвара Потехина» опубликована в 1935 г. Член правления Свердловского отделения Союза писателей (с 1936), председатель Свердловского отделения СП (1961–1965), член правления СП РСФСР (с 1965) (Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. С. 222).

[22] ЦДООСО. Ф. 304. Оп.1. Д. 2. Л. 12–13.

[23] Там же. Д. 1. Л. 150.

чества, что в машинописном бюро долго не смолкало стыдливое хихиканье. <…> Кротко перенес он в тридцать седьмом году самое большое свое горе – смерть сына студента. <…> В те дни Павел Павлович начал заикаться, облысел…»[24].

Краски характеру старого краеведа добавляет сцена, показывающая его в работе, «фолклорничании», как он сам называет любимое дело:

> Кровь бросилась в лицо Павла Павловича. Он начал быстро записывать, чуть не водя носом по бумаге. Пусть это не войдет в книгу, не нужно для книги. Он понимал, что нашел жемчужину, золото. <…> Его начинала бить лихорадка. «Фартануло!» – усмехнулся он[25].

Действие рассказа происходит в 1943 г. Кульминацией повествования является встреча в небольшом уральском городке (можно предположить, что это Нижний Тагил, учитывая биографию Н. Поповой) восторженного «немного не от мира сего» фольклориста с бывшим учеником, пребывающим теперь в чине первого секретаря горкома и холодно, «насильственно просветлев лицом»[26], встретившим своего учителя.

За что критиковали так и не опубликованный рассказ?

Свердловский литературный критик, преподаватель факультета журналистики (УрГУ) Константин Боголюбов[27] на апрельском собрании Свердловской писательской организации 1946 г. назвал рассказ «антисоветским»:

---

[24] ОМПУ (Объединенный музей писателей Урала). КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

[25] Там же. Л. 22–23.

[26] Там же. Л. 31.

[27] Боголюбов Константин Васильевич (1897–1975), писатель, критик, литературовед, член Союза писателей СССР (1939). Учился в Пермском университете на историко-филологическом факультете. Не окончил. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1926 г. жил в Свердловске, преподавал в Урало-Сибирском коммунистическом университете, Свердловском институте журналистики, в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. Принимал участие в подготовке издания избранных сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка (1935–1936). Автор книги о Д. Н. Мамине-Сибиряке «Певец Урала» (1939; Свердловск, 1949) (Екатеринбург литературный : энцикл. словарь. С. 56).

> Сплошная черная краска. <…> Крупным планом дано все отрицательное. <…> Дело в деталях, которые свидетельствуют о большой симпатии автора к прошлому, идеализации старины. <…> …отрицательное отношение к современности[28].

Можно предположить, что такую реакцию вызвала несколько возвышенная, действительно подернутая грустью о прошлом, интонация автора в описании местечка, где живет собиратель фольклора:

> Величавая церковь со стрельчатыми сводами блестела крестами, куполами, выпуклыми паникадилами и золоченой резьбой «Царских врат». Узорные чугунные плиты устилали пол. На стопудовом громко ревущем колоколе была надпись, что он отлит на заводе Демидова. <…> Рядом висели тонкоголосые колокола, пожалованные царем Федором.
>
> Монастырь был обнесен непреступной каменной стеной. <…>
>
> И вот, – все переменилось.
>
> Из церкви слышится железный лязг, – там мастерская МТС. Колокола переплавлены. Только один осколок с надписью удалось отстоять для музея, – тот лежит в отделе хранения. По двору, где когда-то стояли чинно могильные памятники, с натугой ползет трактор… трактористка весело переругивается с каким-то кудрявым парнем. <…> В греко-латинской школе – общежитие трактористов. А длинную облупившуюся трапезную заняли эвакуированные. На дверях архива – большой висячий замок. <…>
>
> Все меняется. Когда-то монастырь был аванпостом просвещения края. Был он рассадником письменности. И хозяйство его процветало. Передовое было хозяйство: и рыбные ловли, и вишневые угодья, и лесочек, и “домница” для выплавки чугуна, и табуны… Житницы ломились от хлеба. <…> И вот – нет монастыря. И о нем знают только недоброе: как монахи истязали крестьян, да расправлялись с восставшими[29].

Ровно через месяц, в мае 1946 г., в Москве на семинаре областных прозаиков эмоционально и красочно с оценкой рассказа выступил литературный критик, которого многие советские

[28] ОМПУ. КП 7984. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

[29] ОМПУ. КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 6–8.

авторы могли бы помянуть недобрым словом, Владимир Владимирович Ермилов:

> …этот рассказ анахронистичен… его внутренняя потенция, его проблематика – это все 20-е годы. <…> воспроизводит каноны нашей литературы 20-х годов: столкновение прекраснодушного, отвлеченного старо-интеллигентского гуманизма с большевистской прямотой и твердостью. Но то, что было хорошо в 20-х годах – смешно в 40-х. Железобетонный, каменно-непоколебимый, резкий, твердый, неумолимый секретарь райкома (в рассказе – секретарь горкома. – *Ю. Р.*), с плакатным фоном индустриального Урала… с одной стороны, а добренький, старенький, отвлеченненький интеллигентик-гуманистик – с другой стороны, боже мой, до чего же архаично в наше время это противопоставление твердого и мягкого! <…> Этот большевик мне не нравится. В этом секретаре райкома я вижу ханжу… Кто из нас, увидя своего старого учителя, не обнимет его прежде всего? А, видите ли, он де государственный деятель… Тов. Попова, видимо, это хотела подчеркнуть, что он является государственным деятелем… <…> Описание старичка-фольклориста нетерпимо слащаво. <…> Он… жалкий Акакий Акакьевич. <…> И, когда противопоставлены два таких человека, из которых один бесконечно мал… а другой неприятно железобетонный… удивительно неприятно делается[30].

В. В. Ермилов, литературный функционер, выросший из секретарей РАППа до главного редактора «Литературной газеты» конца 1940-х гг., был олицетворением именно того идеологического за-текстового давления, которое отразилось на многих текстах и судьбах, чего ему в итоге не простили. Репутация этого деятеля от литературы была такова, что при жизни «…на калитке ермиловской дачи в Переделкине красовалось обычное среди тамошних дачевладельцев предостережение: “Осторожно! Злая собака!” Так вот, к ермиловской этой вывеске кто-то будто бы приписал: “И беспринципная”»[31].

А после смерти (этот факт широко растиражирован благодаря воспоминаниям Бенедикта Сарнова) в Малом зале Центрального дома литераторов (ЦДЛ), где проходило прощание,

[30] ОМПУ. КП 7987. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–23 (об.); 25–25 (об.).
[31] *Сарнов Б.* Маяковский. Самоубийство. М., 2006. С. 442.

«…у гроба Владимира Владимировича Ермилова не было ни души… Ситуация была до такой степени необычная, что <…> кто-то из литфондовского начальства в панике позвонил в ЦК. И последовало мудрое решение. …в добровольно-принудительном порядке согнать в Малый зал всех служащих ЦДЛ: официантов, уборщиц, секретарш…»[32].

Н. Попова восприняла критику ее произведения болезненно, как необоснованную, и даже как травлю. Но она не скрывала обиды лишь в обществе коллег-уральцев, на заседаниях в знакомых стенах отделения. На московском же собрании тональность ее речи иная. В начале обсуждения, представляя свою работу, она искренна, в словах звучит исповедальная нота: «Долгое время меня увлекало изображение характера, какие-нибудь острые ситуации, но за последнее время мне хотелось показать уже не только то, что я вижу, но и передать то, о чем я иногда думаю… <…> Хочется что-то личное в смысле ощущения передать»[33].

После разбора «Встречи» в ее голосе слышится слабая защита и беспомощность, стремление соответствовать ожиданиям московских корифеев от литературы: «Замысел у меня был такой: хотела вначале показать симпатичного старичка… и развенчать его. <…> Мне очень жаль, что человеческих чувств в Жернакове (секретарь горкома, второй герой рассказа, антипод фольклориста. – *Ю. Р.*) не уловили»[34].

Однако, читая текст рассказа и содержание его обсуждения, с трудом верится в означенный замысел автора – развенчать увлеченного своим делом фольклориста, нарисованного изначально бессребреником, добрым и глубоко чувствующим человеком. Автор явно на стороне «симпатичного старичка», а не его ученика, живущего, по словам Павла Павловича, «со взведенным курком»[35]. И дальнейшее повествование – свидетельство тому. Учитель просит за страдающую от дистрофии «лучшую песельницу», с которой он познакомился, «фолклорничая» в городке, на что получает отказ Жернакова, так как она на заводе «даже

[32] *Сарнов Б.* Красные бокалы. Булат Окуджава и другие : воспоминания. М., 2014. С. 442–443.

[33] ОМПУ. КП 7987. Ф. 22. Оп. 1. Д. 40. Л. 3.

[34] Там же. Л. 36 (об.)

[35] ОМПУ. КП 7322. Ф. 22. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.

норму не выполняет», хоть и «талантливый человек… но стоит вне коллектива»[36]. В мировоззренческом споре что важнее: работать на победу или думать о душе, человечности, сбережении традиций? Новый человек, Иван Жернаков, явно проигрывает апологету старины Павлу Павловичу Плотникову. Сложно «уловить человеческие чувства» в секретаре горкома, неспособном поделиться со старым учителем, душевно к нему расположенным, своим горем (потерей жены) из боязни обнажить тем самым слабость. В то же время Павел Павлович, возвращаясь домой, подбирает на вокзале девочку-сироту и приводит ее в дом, хотя война, хотя живут небогато, да и в семье уже есть усыновленный ребенок: «Ну государство, там… детские дома, а мы потихонечку-помаленечку сами воспитаем. Тоже государству помощь»[37]. В финале рассказа Плотников жалуется жене: «Понимаешь, отравил он меня. <…> Вот поговоришь с ним и начинаешь свою никчемность осознавать. <…> На мели моя плоскодоночка… Не в фарватере я»[38]. (Здесь многоточия без скобок автора рассказа. – *Ю. Р.*).

Однако разочарование, к которому пришел собиратель фольклора к финалу повествования, не представляется окончательным и разрушительным для его личности. Подтверждение этому – образ старого учителя-фольклориста, проникнутый верой в преодоление, верой в свое предназначение. Недаром в мыслях и планах у него – «центральный труд жизни», посвященный «жизненной философии, мировоззрению русского народа».

Рассматривая постановления, касающиеся литературного творчества, документальные свидетельства собраний местных отделений Союза писателей как феномен советской культуры в ее социально-политическом проявлении, можно обнаружить широкие исследовательские возможности. Нередко эти документы позволяют увидеть скрытые и явные взаимосвязи между творческими устремлениями советских литераторов и тем внешним влиянием, которое система стремилась оказывать на них. Думается, что однозначно оценивать («причина – следствие»)

[36] Там же. Л. 31, 39.
[37] Там же. Л. 48
[38] Там же. Л. 47.

подобное за-текстовое воздействие было бы ошибочным. Система в определенной ситуации выбирала, согласно своим представлениям, наиболее «подходящую жертву». Но не всегда критика внутри организации влекла за собой нарушение карьеры. Так, Н. А. Попова через несколько лет возглавила Свердловское отделение ССП. И все же вопрос, которым задавались студенты филологи и журналисты послевоенного поколения, о мере искренности следования спускаемым сверху идеологическим установкам так и остается пока без ответа и требует проникновения в тайники творчества и биографий советских литераторов.